Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2025
Дата принятия рукописи в печать: 11.04.2025
10.24412/2224-9133-2025-3-169-174

ТАРНОВСКИЙ Алексей Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: the_tarn@bk.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРОППЕРОВ

Аннотация. *В статье исследуется феномен психического принуждения к совершению преступлений посредством применения методов социальной инженерии на примере деятельности дропперов. Анализируются пробелы в действующем уголовном законодательстве и правоприменительной практике, связанные с квалификацией данных деяний и установлением вины принуждаемых лиц.*

При написании статьи применялись следующие методы: криминологический анализ для выявления особенностей психического принуждения и социальной инженерии в контексте преступной деятельности; формально-юридический метод для определения пробелов и коллизий в правовом регулировании; сравнительно-правовой метод для сопоставления существующих уголовно-правовых норм с реалиями преступности в сфере информационных технологий; метод правового моделирования для разработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Новизна исследования заключается в комплексном криминологическом анализе психического принуждения к преступлениям посредством социальной инженерии с учетом специфики цифровой среды. Выявлены пробелы в действующем уголовном законодательстве, затрудняющие эффективное противодействие данным преступлениям. Обоснована необходимость введения новых составов преступлений, учитывающих особенности применения методов социальной инженерии, а также уточнения понятия психического принуждения в УК РФ. Предложены конкретные изменения в УК РФ для устранения правовых пробелов и совершенствования механизмов расследования преступлений данной категории.

Ключевые слова*: психическое принуждение, социальная инженерия, киберпреступность, дропперы, квалификация преступлений, вина, уголовное законодательство, цифровые технологии, уголовно-правовое противодействие, криминологический анализ.*

TARNOVSKY Alexey Vladimirovich,
graduate student of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Southwestern State University”

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF MENTAL COERCION TO COMMIT CRIMES THROUGH SOCIAL ENGINEERING METHODS USING THE EXAMPLE OF DROPPERS

Annotation. *The article explores the phenomenon of mental coercion to commit crimes through the use of social engineering methods using the example of droppers. Gaps in the current criminal legislation and law enforcement practice related to the qualification of these acts and the establishment of guilt of coerced persons are analyzed. When writing the article, the following methods were used: criminological analysis to identify the features of mental coercion and social engineering in the context of criminal activity; a formal legal method for identifying gaps and conflicts in legal regulation; a comparative legal method for comparing existing criminal law with the realities of crime in the field of information technology; legal modeling method for developing proposals for improving criminal law.*

The novelty of the study lies in a comprehensive criminological analysis of mental coercion to crimes through social engineering, taking into account the specifics of the digital environment.

Gaps in the current criminal legislation have been identified that make it difficult to effectively counter these crimes. The need to introduce new corpus delicti, taking into account the peculiarities of the use of social engineering methods, as well as clarifying the concept of mental coercion in the Criminal Code of the Russian Federation, is justified. Specific changes have been proposed in the Criminal Code of the Russian Federation to eliminate legal gaps and improve the mechanisms for investigating crimes of this category.

Key words*: mental coercion, social engineering, cybercrime, droppers, qualification of crimes, guilt, criminal law, digital technologies, criminal law counteraction, criminological analysis.*

Введение.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий и их влиянием на трансформацию преступности. В условиях цифровизации общества методы социальной инженерии становятся одним из ключевых инструментов, используемых преступными группами для вовлечения физических лиц в противоправную деятельность без полного осознания ими характера и последствий совершаемых действий. Деятельность дропперов, выступающих в качестве посредников в незаконных финансовых операциях, является показательным примером подобного вовлечения, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов в вопросах доказывания субъективной стороны преступления и установления умысла [1, с. 188].

Существующая правоприменительная практика свидетельствует о недостаточной эффективности традиционных методов профилактики и расследования преступлений в киберпространстве, особенно в отношении деяний, совершенных с использованием социальной инженерии. Недостаточная разработанность теоретических аспектов принуждения к совершению преступлений посредством психологического воздействия порождает пробелы в законодательстве и затрудняет квалификацию подобных преступлений. Это обуславливает необходимость проведения углубленного криминологического анализа механизмов и методов, применяемых для принуждения к преступной деятельности, с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Исследование данной проблемы имеет существенное значение для развития науки уголовного права и криминологии, а также для укрепления механизмов информационной безопасности. Результаты проведенного анализа могут быть использованы при разработке нормативно-правовых актов, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием методов социальной инженерии, и на защиту прав и законных интересов граждан от неправомерного психологического воздействия. Более того, совершенствование правовых механизмов ответственности за подобные деяния будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и укреплению законности в цифровой сфере.

Основная часть.

Киберпреступность стала одной из наиболее динамично развивающихся форм криминальной деятельности, приводя к существенным экономическим потерям и подрыву доверия к цифровым сервисам. В контексте киберпреступности особое внимание привлекает феномен дроповодов — организаторов и координаторов сети лиц, известных как дропы. Дропы (от англ. drop — «перенаправление») — это физические лица, которые предоставляют свои банковские счета, электронные кошельки или личные данные для проведения незаконных финансовых операций, включая отмывание денежных средств, полученных преступным путём, и содействие в обналичивании краденых средств [2, с. 62].

Согласно фундаментальным принципам уголовного права, привлечение лица к уголовной ответственности возможно лишь при условии его свободного и осознанного волеизъявления. В случаях, когда на индивида оказывается физическое или психическое принуждение, состав уголовно наказуемого деяния отсутствует, поскольку его способность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими значительно ограничена или вовсе утрачена [3, с. 182].

Физическое или психическое принуждение представляет собой целенаправленное и умышленное воздействие на личность, направленное на ограничение либо лишение ее возможности свободно выражать свою волю и осуществлять самостоятельный выбор в поведении [4, с. 77]. Такое воздействие подрывает основы уголовной ответственности, основанные на принципах виновности и субъективного вменения, поскольку субъект не действует по собственной воле.

Физическое принуждение характеризуется посягательством на телесную неприкосновенность или ограничением свободы передвижения лица, вследствие чего оно теряет способность действовать согласно своему усмотрению и кон-

тролировать совершаемые действия. Это может выражаться в применении силы, насилия или иных форм физического воздействия, исключающих возможность самостоятельного принятия решений и свободного волеизъявления [5, с. 90].

В соответствии с частью 1 статьи 40 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), причинение вреда интересам, охраняемым уголовным законом, не признается преступлением, если оно совершено под воздействием физического принуждения, в результате которого лицо не могло руководить своими действиями. Данное законодательное положение отражает принцип, согласно которому отсутствие возможности контролировать свои поступки вследствие непреодолимого внешнего воздействия исключает уголовную ответственность, поскольку отсутствует субъективная сторона преступления.

Психическое принуждение к совершению преступлений посредством методов социальной инженерии представляет собой сложный феномен, требующий глубокого научного осмысления и адекватного правового регулирования. Данный феномен наиболее отчетливо проявляется в деятельности так называемых «дропперов» — лиц, которые становятся участниками противоправных схем вследствие умышленного искажения их волеизъявления со стороны преступников [6, с. 65].

В рамках деятельности дропперов преступники используют методы социальной инженерии для воздействия на психику и волю потенциальных соучастников [7, с. 257]. Посредством применения психологических техник, таких как обман, манипуляция, введение в заблуждение и злоупотребление доверием, они формируют у дропперов искаженное представление о законности и приемлемости совершаемых действий. В результате дропперы не осознают противоправности своих деяний и воспринимают их как легитимные или социально одобряемые.

Типичной ситуацией является предложение со стороны знакомого, например одногруппника, оформить банковскую карту по определенной ссылке и передать ее в использование на несколько месяцев за существенное вознаграждение. Это преподносится как легкий заработок, не требующий значительных усилий. В данном случае преступники применяют метод субмодального шкалирования — психологическую технику, основанную на изменении восприятия информации путем воздействия на сенсорные параметры мышления и восприятия индивида. Они искусственно усиливают привлекательные аспекты предложения (размер вознаграждения, простоту выполнения действий) и минимизируют или скрывают возможные негативные последствия, что способствует формированию у дроппера искаженного понимания правовой природы и потенциальных рисков своих действий [8, с. 2113].

Преступники, используя метод субмодального шкалирования, получают возможность воздействовать на эмоциональное состояние и мотивацию личности, изменяя ее внутренние ощущения и оценки происходящего [9, с. 38]. Путем акцентирования положительных аспектов предлагаемого деяния и умаления негативных последствий, они изменяют отношение дроппера к данным действиям, снижают критичность восприятия и повышают его готовность к их совершению.

Например, злоумышленник может убеждать: «Многие так делают, у меня самого есть ограничения по 115-ФЗ в одном банке, но это не мешает пользоваться другими картами. Зачем тебе тот банк? Пользуйся другим — он лучше». Такое воздействие формирует у лица ложное представление о правомерности и безвредности предлагаемых действий.

В результате данного психологического давления лицо действует под влиянием психического принуждения, не осознавая фактического характера и общественной опасности своих действий [10, с. 59]. Это приводит к искажению его волеизъявления, что имеет существенное значение при квалификации его поведения с позиции уголовного права.

С юридической точки зрения, психическое принуждение посредством методов социальной инженерии создает сложности в квалификации действий дропперов и установлении субъективной стороны преступления. Согласно принципам уголовного права, лицо может быть привлечено к ответственности только при наличии вины в форме умысла или неосторожности. Однако в условиях психического принуждения способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими, существенно нарушается. Это вызывает необходимость пересмотра подходов к оценке вины и установлению степени ответственности таких лиц.

Привлечение физических лиц к участию в противоправных схемах в качестве так называемых «дропперов» может повлечь уголовную ответственность в соответствии с нормами уголовного законодательства Российской Федерации. В частности, действия, совершенные дропперами, могут быть квалифицированы как преступления, предусмотренные статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерный оборот средств платежей», а также статьей 159 «Мошенничество».

С целью конкретного решения обозначенной законодательной проблемы предлагается внести изменения в Уголовный кодекс Российс-

кой Федерации, дополнив его новой статьей, устанавливающей уголовную ответственность за принуждение лица к совершению преступления посредством использования методов социальной инженерии. Данная статья должна предусматривать наказание за деяния, направленные на искажение волеизъявления личности через обман, злоупотребление доверием, манипуляцию и иные психологические приемы воздействия.

Предлагается следующая формулировка:

«Статья Х. Принуждение к совершению преступления с использованием методов социальной инженерии

1. Принуждение лица к совершению преступления путем применения методов социальной инженерии, включая обман, злоупотребление доверием, манипуляцию или иные способы искажения волеизъявления, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.
2. То же деяние, совершенное:

– группой лиц по предварительному сговору;
– в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;
– с использованием служебного положения; наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.»

Введение указанной нормы позволит устранить существующие пробелы в уголовном законодательстве, обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан от преступных посягательств, основанных на психологическом воздействии и манипуляции. Данное законодательное изменение будет способствовать укреплению принципов свободы воли и автономии личности, соответствуя современным тенденциям развития уголовного права в условиях цифровизации и информационного общества.

Во-вторых, отсутствие в законодательстве четкого определения термина «психическое принуждение» и установленных критериев его идентификации в цифровом пространстве приводит к неоднозначности в правоприменительной практике. Это создает риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших под влиянием такого принуждения. Для устранения данного пробела необходимо внести изменения в статью 40 Уголовного кодекса Российской Федерации, дополнив ее определением психического принуждения и раскрытием его признаков, таких как воздействие на психическую деятельность и волю лица, искажение восприятия фактического характера и общественной опасности деяния, существенное ограничение способности осознавать свои действия и руководить ими.

Необходимо дополнить статью 40 Уголовного кодекса Российской Федерации новым пунктом, устанавливающим определение психического принуждения и его признаки.

3. Под психическим принуждением в настоящей статье понимается незаконное воздействие на психическую деятельность и волю лица путем угроз, обмана, манипуляции или иных способов, приводящее к искажению восприятия фактического характера и общественной опасности совершаемого деяния и существенно ограничивающее способность лица осознавать характер своих действий (бездействия) и руководить ими.

В-третьих, действующее уголовное законодательство недостаточно учитывает специфику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий и методов социальной инженерии, что существенно затрудняет их выявление, расследование и предупреждение. В связи с этим необходимо внести изменения в главу 28 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере компьютерной информации», дополнив её новыми составами преступлений, устанавливающими уголовную ответственность за использование методов социальной инженерии в преступных целях. Также представляется целесообразным внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленные на совершенствование процессуальных механизмов расследования таких преступлений и сбора доказательств с учетом их технологических особенностей.

Реализация предлагаемых законодательных изменений позволит повысить эффективность противодействия преступлениям, совершаемым с использованием методов социальной инженерии, обеспечить защиту прав и законных интересов граждан от психического принуждения в киберпространстве, а также устранить пробелы и коллизии в правовом регулировании данной сферы.

Заключение.

Проведённый криминологический анализ психического принуждения к совершению преступлений посредством методов социальной инженерии на примере деятельности дропперов выявил существенные недостатки в законодательном регулировании и правоприменительной практике. Отсутствие чёткого законодательного определения понятий «психическое принуждение» и «социальная инженерия», а также специальных составов преступлений, учитывающих специфику использования информационно-коммуникационных технологий для психологического

воздействия на личность, затрудняет эффективное противодействие данной категории преступлений. Это приводит к сложностям в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, совершаемых с использованием методов социальной инженерии, что, в свою очередь, создаёт риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших под влиянием психического принуждения.

Для устранения указанных недостатков и повышения эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым посредством методов социальной инженерии, необходимо внести комплексные изменения в УК РФ. Предлагается дополнить УК РФ новыми статьями, устанавливающими ответственность за принуждение к совершению преступления с использованием методов социальной инженерии, а также за неправомерное применение этих методов в целях преступной деятельности. Кроме того, целесообразно внести изменения в статью 40 УК РФ, дополнив её определением психического принуждения и раскрытием его признаков. Одновременно следует совершенствовать Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, разработав специальные процессуальные механизмы расследования таких преступлений и сбора доказательств с учётом их технологических особенностей. Реализация данных законодательных мер позволит обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан, укрепить основы правопорядка и законности в условиях цифровой экономики и информационного общества.

Список литературы:

[1] Алымов, Д. В. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) / Д. В. Алымов, К. Г. Балашов, А. Ю. Дериглазова // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 506. – С. 185-192. – DOI 10.17223/15617793/506/23.

[2] Синяева, М. И. Криминологический анализ феномена дроповодов в современной киберпреступности / М. И. Синяева, К. Г. Балашов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 62-69.

[3] Луньков, Д. А. Совершение преступления посредством лица, действующего под физическим или психическим принуждением / Д. А. Луньков // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2012. – № 2(22). – С. 180-186.

[4] Чечель, Г. И. Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости / Г. И. Чечель // Вопросы правовой теории и практики: Сборник научных трудов / Омская академия МВД России. Том Выпуск 10. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 75-82.

[5] Кругликова, Д. А. Гипноз как способ психического принуждения / Д. А. Кругликова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 1-10. – С. 90-93.

[6] Вишневецкий, К. В. Институт соучастия в мошенничестве: современное состояние / К. В. Вишневецкий, А. А. Кашкаров, А. А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 9. – С. 64-71.

[7] Стрижченко, И. А. Актуальные принципы деятельности отдельных видов преступлений в сфере телекоммуникационной сети интернет с использованием «дропов» / И. А. Стрижченко, Р. П. Егоров // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10(161). – С. 256-257.

[8] Абрамова, Л. Ю. Метамодели нейролингвистического программирования на примере исключений / Л. Ю. Абрамова // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 51. – С. 2112-2117.

[9] Эффективность трансформации внутренних образов в психотерапевтическом процессе / В. М. Звоников, А. Н. Чистяков, А. В. Киренская, В. В. Мямлин // Вестник восстановительной медицины. – 2009. – № 2(30). – С. 37-41.

[10] Психолого-педагогические основы образовательного процесса. Том Часть 1. – Новороссийск: Новороссийский филиал ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 2021. – 488 с.

Spisok literatury:

[1] Aly`mov, D. V. Kriminalisticheskaya xarakteristika tipovy`x sledov prestupnika, osushhestvlyayushhego kriminal`nuyu deyatel`nost` v virtual`nom prostranstve (na primere dropovodov) / D. V. Aly`mov, K. G. Balashov, A. Yu. Deriglazova // Vestnik Tomskogo gosu-darstvennogo universiteta. – 2024. – № 506. – S. 185-192. – DOI 10.17223/15617793/506/23.

[2] Sinyaeva, M. I. Kriminologicheskij analiz fenomena dropovodov v sovremennoj kiberprestupnosti / M. I. Sinyaeva, K. G. Balashov // Vestnik Belgorodskogo yuridichesko-go instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2025. – № 1. – S. 62-69.

[3] Lun`kov, D. A. Sovershenie prestupleniya posredstvom licza, dejstvuyushhego pod fizicheskim ili psixicheskim prinuzhdeniem / D. A. Lun`kov // Social`no-gumanitarny`j vestnik Yuga Rossii. – 2012. – № 2(22). – S. 180-186.

[4] Chechel`, G. I. Sovershenie prestupleniya v rezul`tate fizicheskogo ili psixichesko-go prinuzh-

deniya libo v silu material`noj, sluzhebnoj ili inoj zavisimosti / G. I. Che-chel` // Voprosy` pravovoj teorii i praktiki: Sbornik nauchny`x trudov / Omskaya akademiya MVD Rossii. Tom Vy`pusk 10. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2015. – S. 75-82.

[5] Kruglikova, D. A. Gipnoz kak sposob psixicheskogo prinuzhdeniya / D. A. Krugliko-va // Sovremenny`e tendencii razvitiya nauki i texnologij. – 2017. – № 1-10. – S. 90-93.

[6] Vishneveczkij, K. V. Institut souchastiya v moshennichestve: sovremennoe sostoyanie / K. V. Vishneveczkij, A. A. Kashkarov, A. A. Kashkarov // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. – 2024. – № 9. – S. 64-71.

[7] Strizhchenko, I. A. Aktual`ny`e principy` deyatel`nosti otdel`ny`x vidov prestuplenij v sfere telekommunikacionnoj seti internet s ispol`zovaniem “dropov” / I. A. Strizhchenko, R. P. Egorov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 10(161). – S. 256-257.

[8] Abramova, L. Yu. Metamodeli nejrolingvisticheskogo programmirovaniya na pri-mere isklyuchenij / L. Yu. Abramova // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2022. – № 51. – S. 2112-2117.

[9] E`ffektivnost` transformacii vnutrennix obrazov v psixoterapevticheskom pro-cesse / V. M. Zvonikov, A. N. Chistyakov, A. V. Kirenskaya, V. V. Myamlin // Vestnik vossta-novitel`noj mediciny`. – 2009. – № 2(30). – S. 37-41.

[10] Psixologo-pedagogicheskie osnovy` obrazovatel`nogo processa. Tom Chast` 1. – No-vorossijsk : Novorossijskij filial FGBOU VO “Pyatigorskij gosudarstvenny`j uni-versitet”, 2021. – 488 s.

